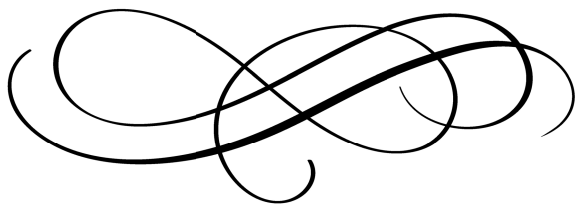

для Доры,

ПОТОМУ ЧТО ПО ТВОИМ ВЕНАМ
ТЕКУТ СЛОВА И МЕЧТЫ

Пролог

Я прислонилась к мраморной колонне и мысленно прокляла маму, любезно смеясь и мечтая, чтобы в словах моего собеседника было побольше смысла.

— Но белый медведь сказал: «Я барон Мюнхгаузен!» и затем откусил пингвину голову, — продолжал он, а я, к сожалению, выпила недостаточно пунша, чтобы делать вид, что его шутка смешная.

Он довольно красив, но его внешний вид такой нелепый. Что бы ни диктовала мода, мужчинам не стоит надевать сиреневые жилеты. Это выглядит очень странно.

— Вы совсем не смеетесь, — отметил он со свойственным ему остроумием, и мне захотелось вздохнуть от его наивности. Но не получилось, просто не хватило воздуха.

Мой корсет был так туго затянут, что я практически не могла дышать и могла поклясться, что ноги подкашивались из-за недостаточного кровообращения.

Мэри-Энн так зашнуровала его, чтобы я влезла в это светло-голубое нечто, называемое вечерним платьем, которое мама купила в Лондоне, чтобы я выглядела привлекательно для сельских богатых холостяков. Мама сказала, что такая шнуровка сейчас

на пике моды в Лондоне и все молодые девушки щеголяют так. Но для меня это было невыносимо, и я представила, что умру от недостатка кислорода, если отойду от окна.

Мне казалось совершенно бессмысленным подстраивать тело под одежду, а не одежду под тело.

Но что я понимала? Я была всего лишь ленивой, бесполезной девчонкой, от которой требовалось очаровывать молодых людей светло-голубой тафтой, чтобы они не обращали внимания на мой скверный характер.

Молодой человек по-прежнему выжидающе смотрел на меня.

— Эта история абсурдна, — начала я, точно зная, что намеревалась сделать то, что мама мне всегда говорила не делать. Я начала его поучать. И молодым людям совершенно не нравилось, когда женщина, которую они хотели убедить в том, что она самая желанная партия в этом зале, знала это лучше, чем они сами. — Не упоминая того, что животные не могут говорить, хотя это простительно, поскольку это якобы шутка, но я не могу поверить, что белый медведь может сделать что-то подобное, — начала я, но меня резко прервали.

— Ну... думаю, что белый медведь достаточно сильный, чтоб откусить пингвину голову. Он же хищник, в конце концов, — высказался задетый моими словами молодой человек, которого звали то ли Хилтон, то ли Милтон, и упер руки в бока, чтобы скрыть свою неуверенность.

— Да, — ответила я. — Но я не думаю, что он бы дошел с северного до южного полушария только для того, чтобы подискутировать с пингвином о шарообразном яйце.

Милтон, или Хилтон, весьма глуповато посмотрел на меня, а затем, к счастью для нас двоих, заметил знакомого. Он кратко представил нас друг другу, формально извинился передо мной и ушел.

Бедная деревенщина.

Я осталась одна, и обвиняющий голос мамы в моей голове сообщил, что я проживу всю жизнь в одиночестве и зачахну от тоски.

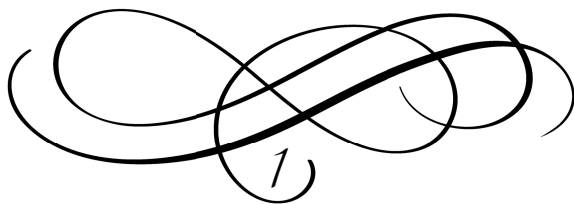
При этом я была не одинока. Она отправляла меня на бесконечные и скучные званые вечера и балы, на которых я поддерживала только бессмысленные беседы. В основном с людьми, которые считали себя образованными, потому что когда-то посмотрели на обложку книги и теперь подшучивали над смущением других.

И это вместо того, чтобы сидеть дома в своем старом кресле и следить за мыслями блестящих умов. Мужчины уже были в моей жизни, и я наслаждалась каждым моментом, проведенным с ними. На страницах книг я расследовала преступления, используя технику сравнения отпечатков пальцев, которые у каждого человека были такими же уникальными, как снежинки. Я захватывала города, строив лошадь из дерева и прячась в ней. Я следила за литературными дискуссиями, историческими изложениями, изучала человека, его разум и душу. Я путешествовала по миру за восемьдесят дней, училась строить самолеты, сочиняла мелодии, развязывала войну.

Но мама считала это глупостью. Вышивание, вот занятие для девушки моего класса.

Я вздохнула про себя.

Кто только так решил?

*Глава первая, в которой мой дядя
пришел в гости*

Она выставила его посмешищем, Чарльз! Бесцеремонно открыла рот и выдала свои заумные фразочки, — жаловалась мама отцу, на что я закатила глаза. Она всегда так все драматизирует.

— Каждый раз, когда с ней разговаривает молодой человек, она все портит. Почему она не может помолчать, как все остальные девушки? — продолжала она, и я могла представить, как она бегает по комнате туда-сюда, положив одну руку на грудь, а другой размахивая в воздухе. — Джулия Гудман, тихая девушка, и в семнадцать лет была уже помолвлена. Или старшая из сестер Бордли. Она знала, в какой момент лучше промолчать, и в восемнадцать лет уже вышла замуж! — Она глубоко вдохнула. Я, конечно, этого не слышала, но знала, что она это сделала.

Отец, напротив, вероятно, облокотился на камин или стол, молчал и задавался тем же вопросом, что и я: почему она всегда говорит о молчаливых девушках, но сама никогда не молчит.

— Твоя невоспитанная дочь сидит весь день на чердаке в старом кресле и запоем читает книги вме-

сто того, чтобы учиться, как себя вести! — резко сказала она, и я представила, как отец хмурится.

— Ани знает, как себя вести, дорогая! — отец встал на мою защиту, и я рассмеялась.

У меня онемела правая нога, и я попыталась поменять позу, не отрывая ухо от вентиляционной решетки камина, тянущейся от кухни через кабинет отца до чердака.

— И почему она тогда этого не делает? — воскликнула мама, и я тихо застонала, потому что знала, к чему все это приведет. — Ей уже девятнадцать, Чарльз. Девятнадцать! Постепенно я начинаю думать, что она попросту не может вести нормальную жизнь. Одни книги, книги, книги. И через пару лет она станет старой девой, которую никто не возьмет в жены, потому что она провела молодые годы на старом грязном чердаке! — начала всхлипывать мама, и отец забормотал слова утешения.

Я подняла голову и ударилась затылком. Мама просто излишне беспокоилась о вещах, которые казались мне совершенно неважными. Она думала, что замужество и ведение хозяйства — это величайшее счастье каждой молодой девушки.

Но только не мое. И что с того, если я у меня не будет мужа? Возможно, я не стану богатой, у меня не будет кареты, и я не смогу каждые полгода обновлять гардероб, но открытые библиотеки были бесплатными, и там я буду определенно счастливее, чем рядом с глупым мужчиной в шикарном доме.

Я смахнула пыль с юбки, поправила блузку и убрала со лба прядь волос, выбившуюся из прически.

С тоской я взглянула на свое старое кресло, темно-зеленый бархат которого был немного потертым

на подлокотниках и которое моя мама убрала много лет назад, потому что оно казалось ей слишком потрепанным.

Но для меня оно было связано с хорошими воспоминаниями, как и книги.

Больше всего мне хотелось устроиться на его потрепанных пружинах, открыть начатую книгу и просто забыть, что снаружи существуют мир, общество и мать-сваха.

Но Мэри-Энн позвала обедать, и мне пришлось спуститься.

Я громко простонала, зажала тоненький роман под мышкой, приподняла подол юбки и спустилась по крутой лестнице на второй этаж.

Наш дом был больше, чем должен быть. По крайней мере, мне так кажется. Мне нравились маленькие комнаты и стены, которые дарят чувство безопасности. Моя мама, наоборот, хотела простора, и ей не нравилось, когда какой-то предмет мебели был в неправильном месте, из-за чего комната выглядела меньше.

Чтобы не помешать родителям и не быть услышанной, я тихо прокралась мимо кабинета отца, но в этот самый момент дверь открылась.

— Ани! — удивленно сказал отец, а мама поспешно прошла мимо него и подтолкнула меня в холл. Она ухватила за меня, и на ее губах играла заговорщическая улыбка. Меня привело в замешательство ее внезапное изменение настроения. Разве она не плакала и не злилась на меня совсем недавно?

— Ты не угадаешь, кто сегодня заходил к нам. Он притворился, что пришел к твоему отцу, но, я уверена, что он был здесь из-за тебя, — прошептала мама,

и я сразу поняла, о ком идет речь. Джордж Михелс. Мамин новый кандидат в мужья, это, впрочем, было безнадежно.

— О, и кто же это был? Неужели мистер Михелс! — воскликнула я чересчур восторженно, и мамина ухмылка пропала с лица. Если за годы, проведенные со мной в качестве дочери, она чему-то и научилась, так это распознавать иронию.

— Анимант! Хочешь ты верить или нет, но этот мужчина может стать *твоим*, и ты будешь жить в достатке, — начала она, неодобрительно нахмурив брови.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать смех. Мистер Михелс был хорошим парнем, но таким же умным, как кусок хлеба, и при этом настолько неуклюжим, что регулярно запинался о собственные ноги.

— Он ковыряется в носу, когда ему кажется, что никто не смотрит, — сказала я, пока мы спускались на первый этаж. И я это не выдумала.

— Анимант! — возмутилась мама, а отец фыркнул, но взял себя в руки, как только мама резко посмотрела на него.

— Он хорошо выглядит и зарабатывает три тысячи фунтов в год. Не нужно быть такими язвительными, — упрекнула она нас, убрала руку и прошла последние ступеньки в одиночестве, прежде чем исчезнуть в гостиной. Края ее подъюбника зашелестели, аккомпанируя гневному уходу, что должно было показать нам, насколько невежественными мы были в ее глазах.

Я только пожала плечами, а отец усмехнулся. Потому что, хотя он и не считал, что юной леди подо-

бают оставаться одной, все же он время от времени потешался над безуспешными попытками моей мамы, которая всеми силами пыталась заставить меня приобщиться к мужскому миру.

Он был убежден, что однажды это настигнет меня и мое сердце, и, как и сердце любой другой девушки моего возраста, мое сердце будет согревать молодого человека, который ищет моего общества.

Пока что мне не хватает стимула, сказал он как-то маме, на что я, стоя у печной трубы, только покачала головой. Я не могла себе представить, каким должен быть этот стимул.

Точно не деньги. Конечно, я не знаю, каково быть по-настоящему бедной, но даже без мужа мое наследство обеспечило бы меня до глубокой старости. Если только пневмония не настигнет меня раньше.

И не социальный статус. Мне не нравились общественные мероприятия, званые вечера, балы и тем более благородное позерство дворян. Меня не интересовали титулы или интриги высшего общества, и я чувствовала себя не в своей тарелке.

Единственное, что оставалось для меня загадкой, — это любовь. Я читала о ней, следила за витиеватой необузданностью и пульсирующими сердцами в стихах и рассказах, но не понимала ее. Как можно найти человека, который был бы твоей родственной душой? На планете миллионы людей, какова вероятность встречи с человеком, предназначенным только для тебя?

Мама утверждала, что, если захотеть, то можно стать счастливой с любым мужчиной. Но, видимо, мне не очень этого хотелось, потому что до сих пор я не могла представить, что с кем-то из ее кандидатов